

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора филологических наук, профессора Криницина Александра Борисовича на диссертацию Маковцева Владимира Станиславовича «Философия позднего М.М. Бахтина. Историко-философский анализ», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии.

Работа обладает несомненными достоинствами. Автор профессионально разбирается в философии М.М. Бахтина, равно как и в русской и западно-европейской философии XIX и XX века. Философия М.М. Бахтина предстает в работе в широком контексте различных школ и течений его времени, от русской христианской традиции до феноменологии, экзистенциализма и постструктурализма. Автор освоил научную литературу по Бахтину, свободно сравнивает и сопоставляет различные точки зрения. Работа написана понятным, терминологически выверенным языком, что свидетельствует о научной компетенции соискателя.

Особенным достоинством работы следует признать дискуссионную объективность и честность исследователя, который приводит полемические по отношению к его концепции мнения предшественников и не ретуширует сложные и неоднозначные проблемы, возникающие в процессе анализа.

Удачными частями работы нам представляется первая глава работы «Характеристика философии М.М. Бахтина», где творчество Бахтина ставится в обширный контекст мировой философии и эстетики, и дается проблематизация философского жанра Бахтина, а именно его работа на стыке литературоведения и философии, дается исторический экскурс в предшествующие эксперименты такого рода. Утверждается философско-антропологическая интенциональность текстов М.М. Бахтина и концептуализируется особый характер его философии, вводится термин литературософия. Литература же для Бахтина, как это показывает диссертант, больше, чем только форма художественного слова, но едва ли не синоним понятия культуры. Отсюда важность для Бахтина истории романного жанра, который обладает, с его точки зрения, принципиальной незавершенностью, что и позволяет видеть в романе как в капле воды все мировой культурное пространство.

Тем не менее попытаемся сделать ряд критических замечаний.

В заглавие работы вынесено понятие *поздней* философии Бахтина. Соответственно по научной логике предполагается:

- а) определение границ позднего периода творчества,
- б) рассмотрение эволюции взглядов философа и конкретизация своеобразия взглядов данного периода и/или
- в) подробное описание и разбор текстов позднего периода.

Определению границ периода посвящена целая вторая глава работы «Глава 2. Периодизации творчества М.М. Бахтина», где перечисляются разные подходы

к построению периодизации творчества любого автора как таковой, в результате чего В.Маковцев приходит к выводу, что применительно к Бахтину все они очень условны, так как в конце жизни философ занимался публикацией и доработкой своих более ранних работ.

В положениях, выносимых на защиту, Владимир Станиславович Маковцев выдвигает «ключевым моментом» определения начала позднего периода «издание «Проблем поэтики Достоевского» (1963 г.)». При этом он сам тут же признает, что эта временная точка как рубеж периодизации условна¹: как может началом творческого этапа считаться публикация, тем более если это републикация более ранней, пусть и переделанной работы? После этого были изданы Бахтиным книга о Рабле и работа «Слово в романе», также подготовленные философом в предыдущие десятилетия. Таким образом, проблема о собственном содержании данного «периода творчества» остается не снятой.

Поэтому исследователь выдвигает тезис об *«особой полифоничности мысли Бахтина, которая позволяет поставит под сомнение и проблематизировать любую возможную периодизацию творчества Бахтина, и говорить о дифференциации его творчества условно, а не в абсолютном значении. Мы отмечаем своеобразие позднего периода Бахтина, подчеркивая принципиальную зависимость этого периода от всего созданного ранее»*. (с 154).

Но фактически это означает отказ от построения научной периодизации и описания своеобразия философии данного периода. Стоило ли тогда изначально выстраивать всю работу на понятии «позднего творчества»? Научной итог работы не может отрицательным.

/ Отдельно обращает на себя внимание утверждение о *«полифоническом понимании»* взглядов Бахтина, которое отменяет, по мнению диссертанта, их *«линейное развитие»* (с 143). Эта мысль повторяется в работе многократно:

«практически все концепты и понятия Бахтина внутренне незвериены, – не логически, но онтологически» (с. 144)

«несмотря на внутреннюю строгость философского мышления, которому следовал Бахтин, философия его сознательно выстраивается как антисистематическая, поскольку система тяготеет к репрессивно-монологическому стилю мышления» (с. 161)

И, наконец, в Заключение: *«Удивительным образом, философия Бахтина, будучи нацеленной на бесконечность, принципиальную незавершенность, – незавершимо познание, незавершим диалог, незавершим роман как жанр, литература, и, в конечном счете, не завершим и сам человек, – но именно в позднем творчестве мы сталкиваемся с концептуальной завершенностью этой принципиальной бесконечности, не дурной, но предельно продуктивной»* (с. 1703).

¹ «Но, поскольку во втором издании достигается не только полнота мысли о Достоевском, но и сходятся ключевые идеи и концепты, развиваемые Бахтиным за пределами его размышлений о Бахтине, – что, кроме прочего, и позволяет говорить об этой книге для нас, очевидно, именно 1963 г. и является узловым моментом всего творчества Бахтина, а не только его позднего периода» с. 136.

Мне кажется, эти высказывания противоречат друг другу. Возникает вопрос, где речь идет о философии незавершимости и где о незавершенности («асистематичности») самой философской системы? В случае, если имеется в виду и то и другое вместе, то как «асистематичность» философии Бахтина сопрягается с ее «единством», многократно постулируемым диссертантом? Заранее предполагаю, что это мое недопонимание будет легко снято Владимиром Станиславовичем.

Следующей линией обоснования своеобразия 60-70-х годов в жизни философа как особого этапа его творчества становится у диссертанта тот факт, что в эти годы, благодаря публикациям ключевых работ, имя Бахтина заново входит в научный мир: *«Мы показали, что содержание понятия «позднего творчества М.М. Бахтина» неразрывно связано с его «интеллектуальной реабилитацией», возвращением в большое интеллектуальное пространство с последующей прижизненной мировой известностью».* (с. 167). Поэтому в диссертации отдельные разделы посвящены истории публикаций Бахтина, его контактам с молодым поколением филологов и философов, как в СССР так и за рубежом, переводам Бахтина на иностранные языки, взятым у него интервью и осмыслению наследия Бахтина в работах ведущих русских и западных исследователей.

Но сам подобный ход мысли представляется нам спорным: как *общественный резонанс* может считаться *характеристикой творчества*, особенно если это резонанс на *ранее* написанные работы, то есть сами работы не были обусловлены конъюнктурой времени их публикации?

Таким образом, по-прежнему остается востребованным описание своеобразия самих идей позднего Бахтина. Соискатель понимает это и выдвигает наконец, характеризующий позднее творчество тезис: *«наш тезис о содержании позднего творчества М.М. Бахтина как такого периода, в котором, уже имеющиеся работы, или даже отдельные идеи и интенции, вновь обретают актуальное значение для мыслителя, достигая в этот период органичной завершенности, позволяющей связать в единое философское целое корпус текстов Бахтина».* (с. 162-163). Этот тезис повторяется неоднократно на протяжении всей работы. Таким образом, автор вместо рассмотрения особенностей идей позднего периода приходит к выводу о единстве и целостности всего творчества философа. Может ли этот относительно простой вывод считаться главным научным результатом в масштабах диссертационного исследования? Может ли «новая актуализация» идей подменять собой их эволюцию — настолько, чтобы не было вообще необходимости эту эволюцию описывать?

Нам кажется это некоторым упрощением проблемы. Любое, даже самое фундаментальное единство философии и вообще идей мыслителя не исключает их эволюции: более того, она всякий раз неизбежна в силу фактора времени и развития человеческого сознания. Например, можно продемонстрировать эволюцию взглядов Толстого и Достоевского при их внутреннем несомненном единстве. Относительно творчества Бахтина можно говорить даже о противоречии его текстов друг другу: например «Автор и герой в эстетической деятельности» фактически противоречит последующим «Проблемам творчества

Достоевского»: в первой работе автор и герой противопоставлены как «я» и «другой» с возможностью автора «завершать» героя, а второй работе утверждается герой помещается на один уровень с автором, при утверждении о незавершенности автором своих героев как главным принципе Достоевского.

Допустим, это пример из более раннего периода, сознательно не рассматриваемого подробно автором (однако показательный в плане «единства» творчества!). Но отличаются и тексты, изданных в 1829 «Проблем творчества» – и «Проблем поэтики Достоевского» – целым большим разделом про карнавал и мениппею, взятым из работы о Рабле. Казалось бы, тщательное сопоставление этих двух текстов и их концепции должно стать центральной частью диссертации (ибо вот где единственно отразилась специфика позднего творчества Бахтина!), однако автор этого не делает: он приводит работу Бонецкой по сопоставлению этих двух текстов, довольно обстоятельно ее цитирует, не соглашается с ней – но не дает собственного сравнительного анализа.

И (не) делает это принципиально: *«Поэтому, говоря о Достоевском в позднем творчестве Бахтина, речь не идет о различиях в редакциях двух книг. Но, учитывая двойное понимание «позднего творчества», которое мы развернули в нашем исследовании, можно говорить о ряде текстов, в том числе черновых, в которых Бахтин пишет о Достоевском, с другой стороны, более философской, мы, зная понимание Бахтиным специфики Достоевского, разворачиваем это понимание в пространстве позднего творчества, понимаемого в качестве предельной полноты бахтинской мысли, вобравшей в себя ключевые концепты и идеи его творчества. Мы убедительно показали это в попытке связать в единое целое все наследие Бахтина, показав, что разрывы между периодами его творчества носят скорее условный, чем концептуальный характер, – к творчеству Бахтина более применимо полифоническое понимание, нежели линейное его развитие».* (с. 143).

Вспомним, что в начале исследования сам диссертант видит новизну своей работы как раз в установлении периодизации творчества Бахтина (см. на с. 5: *«Ключевым недостатком работ [о раннем творчестве] является отсутствие проблематизации периодизации творчества М.М. Бахтина. <...> Поздний период творчества при этом не конкретизируется и не проблематизируется»*), здесь он же говорит об ее условности – вплоть до того, что ключевое для себя понятие «позднее творчество» сам берет в кавычки (!), поскольку оно понимается им исключительно как *«пространство <...> предельной полноты бахтинской мысли, вобравшей в себя ключевые концепты и идеи его творчества»*. На наш взгляд, тогда логично было бы и сделать «ключевые концепты и идеи» Бахтина темой работы. Иначе получается, что идеи Бахтина в их полноте и единстве не описываются, потому что берется к рассмотрению только «поздний период», а особенности последнего не разбираются на том основании, что они не выходят из русла наследия целого. Эта дилемма отражена и в структуре работы, где первая глава посвящена «Единству философии Бахтина», а последняя третья озаглавлена «Поздний период творчества М.М. Бахтина». На наш взгляд, на каждую из этих проблематик одной главы мало – в зависимости от того, какая тема диссертации была бы выбрана.

Вследствие подобной исследовательской стратегии, в работе отсутствует подробный разбор и анализ опубликованных в 60-70-е годы работ Бахтина – как «Проблем поэтики» так и книги о Рабле – очевидно, на том основании, что сами тексты были написаны в более раннее время. Вместо этого только называются основные их понятия – такие как, к примеру, полифония, диалог и карнавал – и приводятся трактующие их так или иначе критические работы. Не хватает личного анализа работ диссертантом. Не разбирается ни структура книг, ни проблематика глав. В результате мне, как достоевисту, практически нечего обсудить в пределах моей области: конкретика осмысления творчества Достоевского Бахтиным в диссертации не представлена (кроме общеизвестных фраз о полифоничности романов Достоевского): вместо этого много говорится о том, что «творчество Ф.М. Достоевского для философии М.М. Бахтина является центральным моментом» как в позднем творчестве, так и «на всем протяжении развития мысли Бахтина» с 125). Это утверждение даже озвучено в одном из положений, вынесенных на защиту (положение 4). Действительно, с ним трудно не согласиться.

А между тем, даже если оставить без внимания чисто филологическую сторону анализа Бахтиным Достоевского (местами очень спорную, но понятно, что диссертация – философская, и я не вправе уводить разговор в литературоведение), даже понятие диалога в ней стоило бы обсудить поподробнее: в свое время при разборе «Проблем поэтики» Бахтина в моей монографии «Исповедь подпольного человека. К антропологии Достоевского» 2001 г. я выделял в книге Бахтина 5 уровней диалогизма и соответственно 5 типов диалога, на мой взгляд, разноприродных, и их постоянная перекрестная подмена вела Бахтина к слишком скоропалительным выводам о поэтике и философии писателя. Вообще в работе Владимира Станиславовича практически не отражена как филологическая, так и философская критика идей Бахтина, которая была как при выходе первой работы о Достоевском, так и в 60-е годы при ее переиздании (хотя бы вспомнить статьи П. Бицилли или статью Мыслякова 70-х годов), хотя это ведь тоже было фактом общественного резонанса на публикации Бахтина, который диссертант целенаправленно описывает.

Помимо обсуждения «Проблем поэтики Достоевского» и книги о Рабле, в последней главе наличествует разбор ряда текстов последнего периода жизни Бахтина. Это его интервью и черновые записи, которые несомненно относятся к позднему творчеству философа и представляют значительную важность для данного исследования, но, к сожалению, их разбор дан только на последних 10 страницах работы, и иногда достаточно схематично. Так, по словам диссертанта, в черновых записях «мысль М.М. Бахтина о Ф.М. Достоевском, о философском содержании его творчества», выходит «за пределы формальных тем, раскрываемых в творчестве Достоевского, и также осмысливаемые в контексте философии. М.М. Бахтин удваивает философское содержание творчества Ф.М. Достоевского, проясняя его внутреннюю структуру» (с. 168). Мне лично, как специалисту по Достоевскому, было бы очень важно, если бы Владимир Станиславович раскрыл подробнее эти положения: какова внутренняя структура творчества Достоевского, «проясняемая» Бахтиным, в чем заключается

философское содержание его творчества, и как его Бахтин «удваивает». Надеюсь, это прозвучит в его ответе на мой отзыв. (если все сводится к «полифоничности» Достоевского, то неинтересно, стоит пояснить только про ее «удвоение»).

Напоследок ряд технических замечаний:

– в работе встречается много опечаток, в том числе и в положениях, выносимых на защиту: см. например положение 4. Встречаются и стилистические недочеты: что значат, например, там же, выражения: «идея серьезности», «идея жанра романа»?

– В библиографии к диссертации отдельными пунктами 81-85 обозначены на литеру «к» Комментарии к каждому в отдельности из томов 2-6 собрания сочинений М.М. Бахтина. Комментарии к 3 тому при этом внесены в список дважды. При этом имена составителей комментариев не указаны. Также в библиографии отдельными пунктами вынесены множественные (но не все) тексты Бахтина из данного собрания сочинений. Некоторые попали на литеру «б», по фамилии философа, некоторые – на «п» как «приложения» (в одном списке с именами исследователей Бахтина). Зачем такая дробность? Почему просто не указать одним пунктом все собрание сочинений?

– достаточно слабо и выборочно отражена в библиографии философская рецепция творчества Достоевского (о литературоведческой не говорю, она необъятна). Из философов в библиографию включены Н. Бердяев, Вяч. Иванов (не главная его работа), Т. Касаткина, Г. Гачев, В. Подорога. Но тексты о Достоевском таких философов, как Д. Мережковский, К. Леонтьев, В. Соловьев, Н. Лосский, о. Г. Флоровский, В. Розанов, А. Штейнберг, С. Франк (не упомянуты его конкретные статьи о Достоевском), С. Булгаков, Р. Гуардини, А. Камю, А. Жид, Г. Померанц, К. Исупов, К. Степанян, И. Евлампиев, В. Кантор – не отражены в библиографии. Да, конечно, работа «бахтиноцентрична», но без минимального погружения в Достоевского разговор о нем будет беспредметен. Уверен, что заданные вопросы будут сняты в ответе диссертанта. Прошу сделать скидку на то, что они заданы филологом, который понимает относительность своего видения данной работы.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация Маковцева В.С. отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.7.2. – «История философии» (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Маковцев Владимир Станиславович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. – «История философии».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор кафедры
истории русской литературы филологического ф-та
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»
КРИНИЦЫН Александр Борисович

подпись

Дата подписания: « 4 » апреля 2023 г.

Контактные данные:

тел.: +7(926)5217844, e-mail: derselbe@list.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 51, филологический факультет,
тел. +7 (495) 939-26-04

Подпись сотрудника удостоверяю:

Дата подписания: « 4 » апреля 2023 г.

